

РЕШЕНИЕ
Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга
по дисциплинарному производству № 129/2023 в отношении
адвоката Б.

20.06.2024

г. Санкт-Петербург

Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга (далее также – Совет АП СПб и АП СПб, соответственно) в составе президента АП СПб Тенишева В.Ш. (председатель), вице-президентов АП СПб Пановой В.С., Пашинского М.Л., Семеняко М.Е., Тимофеевой Т.В., членов Совета Кучеренко И.М., Пальмского А.А., Подпригоры Д.А., Пономаревой Н.В., Розова Ю.В., Саськова К.Ю., Чангли А.И., (участвовали очно), члена Совета Манкевича А.Е. (участвовал дистанционно посредством использования сервиса видеоконференций «SberJazz») в соответствии с положениями ст.ст. 24, 25 Кодекса профессиональной этики адвоката (далее также – КПЭА), рассмотрев 20.06.2024 в закрытом заседании дисциплинарное производство в отношении адвоката Б. (регистрационный номер 0000 в реестре адвокатов Санкт-Петербурга), возбуждённое 21.08.2024 президентом АП СПб Тенишевым В.Ш.,

установил:

поводом для возбуждения дисциплинарного производства в отношении адвоката Б. послужила жалоба Е. поступившая в АП СПб 09.08.2023; в Квалификационную комиссию АП СПб (далее – Квалифкомиссия) материалы дисциплинарного дела поступили 29.08.2023.

Из содержания жалобы Е. следует, что с 22.11.2022 Адвокатским бюро Санкт-Петербурга 000 (далее – АБ 000) принято к исполнению поручение на оказание юридической помощи по представлению интересов Е. в досудебном порядке по жилищному вопросу с подготовкой и подачей необходимых документов. Управляющим партнером АБ 000 является Б. Целью обращения доверителя было получение нового жилого помещения взамен признанного непригодным для проживания.

Существо претензий доверителя к адвокату Б. сводится к следующему.

Консультацию проводил стажёр, не являющийся адвокатом.

Стажёр АБ 000 ввёл доверителя в заблуждение относительно возможности исполнения предмета соглашения.

В предмете соглашения с доверителем не прописаны конкретные действия адвокатов, поверхностно указана суть вопроса.

При расторжении соглашения АБ 000 удержана сумма в размере 40 000 руб. за фактически оказанные услуги. Однако оказанная юридическая помощь не является квалифицированной.

По мнению подателя жалобы, указанные действия адвоката Б. свидетельствуют о нарушении требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, норм КПЭА, что порочит честь и достоинство адвоката, умаляет авторитет адвокатуры.

Е. просит провести проверку по указанным ею фактам и привлечь Управляющего партнера АБ 000 Б. к дисциплинарной ответственности.

В подтверждение доводов жалобы заявителем были представлены копии ряда документов.

Адвокат Б. представил в Квалифкомиссию свои письменные пояснения, содержание которых сводится к следующему.

Подготовка документов по предмету поручения была поручена стажёру адвоката Т.

В рамках соглашения были подготовлены правовой анализ ситуации и предоставленной информации, подбор нормативно-правовой базы, заявление в Администрацию Красноармейского района г. Волгограда; в связи с этим 26.06.2023 был произведён частичный возврат денежных средств доверителю в размере 160 000 руб.

Возражений в отношении доводов заявителя о введении стажёром адвоката Е. в заблуждение, о неконкретности формулировки предмета соглашения и относительно возможности исполнения предмета соглашения в пояснениях адвоката Б. не представлено.

В подтверждение своих доводов адвокатом к пояснениям приложена копия платёжного поручения № 644 от 24.06.2023 на сумму 160 000 руб.

В заседание Квалификационной комиссии 21.12.2023 года явились адвокат Б. и податель жалобы Е. Участники дисциплинарного производства поддержали ранее заявленные письменные позиции и дали свои пояснения.

В соответствии с заключением Квалифкомиссии от 21.12.2023 адвокатом Б. допущено нарушение взаимосвязанных положений:

- п. 5 ст. 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» (далее также – Закон об адвокатуре): «Ведение общих дел адвокатского бюро осуществляется управляющим партнером, если иное не установлено партнерским договором. Соглашение об оказании юридической помощи с доверителем заключается управляющим партнером или иным партнером от имени всех партнеров на основании выданных ими доверенностей. В доверенностях указываются все ограничения компетенции партнера в отношении заключения соглашений с доверителями и иных сделок с третьими лицами. Указанные ограничения доводятся до сведения доверителей и третьих лиц.»;

- п.п. 1 и 2 ст. 25 Закона об адвокатуре: «1. Адвокатская деятельность осуществляется на основе соглашения между адвокатом и доверителем. 2. Соглашение представляет собой гражданско-правовой договор, заключаемый в простой письменной форме между доверителем и адвокатом (адвокатами), на оказание юридической помощи самому доверителю или назначенному им лицу.»;

- п. 2 ст. 28 Закона об адвокатуре: «Стажер адвоката осуществляет свою деятельность под руководством адвоката, выполняя его отдельные поручения. Стажер адвоката не вправе самостоятельно заниматься адвокатской деятельностью.»;

- п. 6 ст. 15 КПЭА: «Адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты и органов Федеральной палаты адвокатов, принятые в пределах их компетенции» и

- п. 7 решения Совета АП СПб от 04.02.2020 «О порядке оформления соглашений об оказании юридической помощи и их регистрации в документации соответствующих адвокатских образований» (далее – решение Совета АП СПб «О порядке оформления соглашений»: «Обязанность по оформлению договорных отношений с доверителем в строгом соответствии с Законом об адвокатуре возложена на адвоката и неисполнение (ненадлежащее исполнение) этой обязанности является основанием для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности.».

Нарушение выразилось в следующем.

23.11.2022 между АБ 000 и Е. было подписано соглашение № АБ-231122/06, предметом которого являлось «представление интересов доверителя в досудебном порядке по жилищному вопросу, с подготовкой и подачей необходимых

документов». Фактически первичное консультирование Е. подписание с ней от имени Бюро соглашения (с неоднозначной формулировкой его предмета) и его исполнение осуществлялось стажёрами адвоката Т. (адвокат-наставник Ф. рег. № 000 и К. (нет в базе) без непосредственного участия и контроля со стороны адвоката-наставника.

Адвокат Б. являющийся управляющим партнёром АБ 000 при заключении соглашения № АБ-231122/06 не обеспечил оформление договорных отношений с доверителем в строгом соответствии с Законом об адвокатуре, а именно: в тексте соглашения № АБ-231122/06 отсутствуют указания на конкретные действия адвоката по исполнению поручения, а его предмет изложен поверхностно; при формулировании предмета соглашения использованы формулировки («представление интересов доверителя в досудебном порядке по жилищному вопросу, с подготовкой и подачей необходимых документов»), допускающие неоднозначное толкование его условий, не отвечающие критериям однозначности и конкретности.

Участники дисциплинарного производства в порядке, предусмотренном п. 3 ст. 24 КПА, письменных заявлений о несогласии с заключением Квалифкомиссии или его поддержке в Совет АП СПб не направили.

Участники дисциплинарного производства о назначении разбирательства в Совете АП СПб на 20.06.2024 были извещены надлежащим образом, на заседание не явились, представителя не направили, об отложении слушания дела не ходатайствовали.

Рассмотрев материалы дисциплинарного производства, изучив заключение Квалифкомиссии, **Совет АП СПб полностью соглашается с выводами Квалифкомиссии**, поскольку они основаны на правильно, полно, всесторонне и достоверно установленных обстоятельствах дела, которым дана верная юридическая оценка.

Так, Квалифкомиссией было установлено, что 23.11.2022 в помещении АБ 000 Е. было подписано соглашение № АБ-231122/06, предметом которого являлось «представление интересов доверителя в досудебном порядке по жилищному вопросу, с подготовкой и подачей необходимых документов».

В то же время, отвечая на вопросы Квалифкомиссии, адвокат Б. сообщил, что под указанным соглашением от имени управляющего партнера бюро проставлена не его подпись. Кто непосредственно подписал указанное соглашение от АБ 000 Б. сообщить затруднился, однако пояснил, что фактически выполнением поручения по соглашению с Е. занимался стажёр Т.

Таким образом, поскольку управляющим партнёром в материалы дисциплинарного производства так и не были представлены сведения ни о лице, подписавшем соглашение, ни об адвокате, непосредственно выполнявшем поручение, Квалифкомиссия пришла к правомерному выводу о достоверности сообщённых Е. сведений о стажёре, как о лице, подписавшем с ней соглашение и проводившем с ней первоначальное собеседование.

В то же время, в соответствии с положениями п. 2 ст. 28 Закона об адвокатуре стажёр адвоката осуществляет свою деятельность под руководством адвоката. Самостоятельно заниматься адвокатской деятельностью стажёр не вправе и может лишь выполнять отдельные поручения. В свою очередь, открытый перечень видов юридической помощи, оказываемой адвокатами, содержится в п. 2 ст. 2 Закона об адвокатуре. Из указанных норм очевидно следует, что интервьюирование и/или консультирование доверителя, равно как и непосредственное выполнение поручения, составляющего предмет соглашения, стажёром без непосредственного контроля и руководства со стороны адвоката-наставника недопустимо.

Согласно содержанию п. 5 ст. 23 Закона об адвокатуре соглашение с доверителем в адвокатском бюро заключается управляющим партнёром (иным партнёром) от имени всех партнёров на основании выданных ими доверенностей. Указанная норма сформулирована императивно, из чего следует, что оформление от имени бюро договорных отношений

любыми иными лицами не влечёт установленных законом юридических последствий, поскольку вступает в прямое противоречие с положениями п.п. 1 и 2 ст. 25 Закона об адвокатуре.

В соответствии с п. 7 Решения Совета Адвокатской палаты Санкт-Петербурга «О порядке оформления соглашений» обязанность по оформлению договорных отношений с доверителем в строгом соответствии с Законом об адвокатуре возложена на адвоката и неисполнение (ненадлежащее исполнение) этой обязанности является основанием для привлечения адвоката к дисциплинарной ответственности. В свою очередь, в силу п. 6 ст. 15 КПЭА, адвокат обязан выполнять решения органов адвокатской палаты, принятые в пределах их компетенции, а игнорирование содержащихся в таких решениях положений и предписаний дополнительно формирует самостоятельный состав дисциплинарного проступка.

Также Совет АП СПб вслед за Квалифкомиссией считает обоснованными доводы заявителя об отсутствии в тексте соглашения № АБ-231122/06 указаний на конкретные действия адвоката по исполнению поручения и на «поверхностность» в изложении его предмета.

Согласно содержанию ранее упомянутого Решения Совета АП СПб «О порядке оформления соглашений» в соглашении недопустимы формулировки, допускающие неоднозначное толкование его условий, так как это создает предпосылки для возникновения недопонимания между адвокатом и доверителем и может привести к подрыву доверия, что противоречит нормам профессиональной этики адвоката. В то же время, содержащаяся в Соглашении № АБ 231122/06 формулировка «представление интересов доверителя в досудебном порядке по жилищному вопросу, с подготовкой и подачей необходимых документов» критериям однозначности и конкретности очевидно не соответствует.

На основании изложенного Квалифкомиссия правомерно констатировала, что допущенное в АБ 000 положение, при котором стажёры Т. и/или К. без непосредственного участия и контроля со стороны адвоката-наставника проводили первичное консультирование Е. подписывали с ней от имени Бюро соглашение с неоднозначной формулировкой его предмета и фактически исполняли поручение, нарушает требования п. 5 ст. 23, п.п. 1 и 2 ст. 25, п. 2 ст. 28 Закона об адвокатуре.

При этом п. 5 уже упомянутой ст. 23 Закона об адвокатуре установлено, что ведение общих дел адвокатского бюро осуществляется управляющим партнёром, если иное не установлено партнёрским договором. Руководствуясь данной нормой в совокупности с положениями п. 2 ст. 3 КПЭА, Квалифкомиссия пришла к обоснованному выводу, что на адвокате Б. как управляющем партнёре АБ 000 лежала ответственность за ненадлежащее ознакомление стажёров

Т. и К. с содержанием Закона об адвокатуре и КПЭА, а также за отсутствие в АБ 000 надлежащего контроля за соблюдением стажёрами указанных норм и правил.

В то же время, доводы подателя жалобы о введении в заблуждение доверителя и о неисполнимости предмета поручения как проявлении ненадлежащего выполнения адвокатом своих профессиональных обязанностей в части обоснованности (необоснованности) заявленных или не заявленных адвокатом в ходе работы по делу требований и/или возражений, равно как и в части установления необходимости совершения или несовершения иных отдельных процессуальных действий, не могли быть предметом исследования и оценки квалификационной комиссии. Выбор адвокатом конкретного процессуального поведения в рамках избранной им тактики ведения дела и в объёме согласованной им с доверителем правовой позиции хоть и относится к сфере его профессиональной компетенции, но, тем не менее, не может быть проверен по критерию «правильности/неправильности» ввиду допускаемой значительной вариативности возможных моделей правомерного процессуального поведения представителя в суде.

Дополнительно Квалифкомиссия верно отметила, что поскольку в ходе рассмотрения дисциплинарного дела был установлен факт выполнения поручения стажёром адвоката и, соответственно, невыполнения указанных действий кем-либо из адвокатов АБ 000 вменение подобного дисциплинарного нарушения именно адвокату Б. не представляется возможным.

Также, как уже неоднократно ранее подчеркивала Квалифкомиссия в своих заключениях и Совет АП СПб в своих решениях, рассмотрение вопросов обоснованности размера вознаграждения адвоката, установленного его соглашением с доверителем, равно как и рассмотрение требований о возврате полностью или в части неотработанного гонорара, находится вне компетенции дисциплинарных органов адвокатской палаты.

В то же время, Совет АП СПб вслед за Квалифкомиссией считает необходимым обратить внимание сторон дисциплинарного дела на следующие обстоятельства.

Из смысла и содержания п. 2 ст. 2, подп. 1 п. 1 ст. 7, п. 4 ст. 25 Закона об адвокатуре следует, что вознаграждение выплачивается адвокату в связи с непосредственным выполнением им поручения, являющегося предметом его соглашения с доверителем. Аналогичным образом привязывает право адвоката на получение вознаграждения к исполняемой именно им работе и п. 1 ст. 16 КПЭА. Из изложенных норм очевидно следует, что лично не исполнивший поручение адвокат право на установленное соглашением вознаграждение не приобретает, а, в случае ранее осуществленного авансирования доверителем такого вознаграждения, полностью такое право утрачивает.

Согласно п. 4 ст. 28 Закона стажёр адвоката принимается на работу на условиях трудового договора, заключённого с адвокатским образованием, которое является по отношению к данному лицу работодателем. При этом выполняемая стажёром работа оплачивается из средств коллегии или бюро, источником формирования которых согласно подп. 5 п. 1 ст. 7 Закона об адвокатуре являются отчисления адвокатов на содержание адвокатского образования, но никак не поступающие на счёт адвокатского образования в качестве уплаты гонорара денежные средства от доверителей.

Из изложенного следует, что в ситуации, когда фактическое исполнение поручения осуществлялось стажёром адвоката без какого-либо участия адвоката-наставника, ни поименованный в соглашении адвокат, ни адвокатское образование не вправе претендовать на авансированный доверителем гонорар. В связи с этим объём фактически выполненной стажёром Т. работы не может являться юридическим обоснованием для удержания (невозврата) АБ 000 какой-либо части аванса, поскольку, как уже указывалось ранее, стажёр состоит в трудовых отношениях с Бюро, получает заработную плату, и выполнение каких-либо поручений правового характера входит в круг его трудовых обязанностей.

С учётом изложенного Совет АП СПб приходит к выводу, что в результате дисциплинарного производства вне разумных сомнений установлены факты ненадлежащего профессионального поведения адвоката Б. при обстоятельствах, изложенных выше.

Совет АП СПб признаёт опровергнутой презумпцию добросовестности адвоката Б. в указанной части дисциплинарных обвинений, а его вину в совершении дисциплинарного проступка – установленной.

Совет АП СПб частично соглашается с применённой Квалифкомиссией квалификацией действий (бездействия) адвоката Б.

Как указано в п. 1 ст. 18 КПЭА: «Нарушение адвокатом требований законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и настоящего Кодекса, совершенное умышленно или по грубой неосторожности, влечет применение мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных законодательством об адвокатской деятельности и адвокатуре и КПЭА».

Согласно подп. 1 п. 1 ст. 25 КПЭА: «Совет вправе принять по дисциплинарному производству решение о наличии в действиях (бездействии) адвоката нарушения норм

законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре и (или) КПЭА, или о неисполнении (ненадлежащем исполнении) им своих обязанностей перед доверителем или о неисполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты и о применении к адвокату мер дисциплинарной ответственности, предусмотренных статьей 18 КПЭА».

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 КПЭА меру дисциплинарной ответственности адвокату Б. за допущенные нарушения, Совет АП СПб признаёт их тяжкими, а также учитывает их умышленный характер, обусловленный очевидным пренебрежением адвокатом основополагающими требованиями законодательства об адвокатской деятельности, а также решениями, принятыми органами адвокатского самоуправления в пределах их компетенции. Совет также учитывает, что адвокатом Б. было допущено очевидное пренебрежение правами и законными интересами доверителя, оставленной адвокатом без юридической помощи со стороны адвоката, на которую она рассчитывала, обращаясь за юридической помощью в адвокатское бюро.

Также Совет АП СПб учитывает отсутствие у адвоката Б. критического отношения к своему поведению.

Вместе с тем, с учётом отсутствия у адвоката Б. действующих дисциплинарных взысканий, Совет АП СПб считает возможным сохранить адвокату Б. возможность пересмотреть и скорректировать своё профессиональное поведение, оставаясь в составе адвокатского сообщества, и приходит к выводу о необходимости применения к адвокату Б. меры дисциплинарной ответственности в виде предупреждения, как в наибольшей степени отвечающей требованию справедливости дисциплинарного разбирательства, предусмотренного п. 3 ст. 19 КПЭА.

На основании изложенного, руководствуясь подп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», подп. 1 п. 1 ст. 25, подп. 2 п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты Санкт-Петербурга **единогласно**

решил:

по дисциплинарному производству № 129/2023 признать в действиях (бездействии) адвоката Б. (регистрационный номер 0000 в реестре адвокатов Санкт-Петербурга) наличие нарушения взаимосвязанных положений:

пункта 5 статьи 23 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»;

пунктов 1 и 2 статьи 25 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»;

пункта 2 статьи 28 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ»;

пункта 6 статьи 15 Кодекса профессиональной этики адвоката (во взаимосвязи с пунктом 7 решения Совета АП СПб «О порядке оформления соглашений»)

и применить к нему меру дисциплинарной ответственности в виде **предупреждения**.

Президент
Адвокатской палаты Санкт-Петербурга

Тенишев В.Ш.